

МОТИВ УТРАТЫ В ПРОЗЕ И. БУНИНА И В. АСТАФЬЕВА¹

П. А. Гончаров

Мичуринский государственный аграрный университет

Российская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается происхождение, композиционная функция мотива утраты в рассказах и повестях И. Бунина 1890–1910-х годов, в автобиографической и военной прозе В. Астафьева. Истоки и созвучная функция мотива утраты у живших в разные эпохи художников находятся в усиливающейся, усугубленной несколькими этапами, предельно болезненной потере родины детства. Активность этого мотива обусловили неравнодушно воспринятые писателями драматические цивилизационные процессы. Следствием активности этого мотива стало преобладание ностальгических эмоций и настроений в их произведениях. В жанрово-стилевом плане опосредованно активность мотива утраты родины рождает тенденцию лиризации ряда произведений этих писателей.

Ключевые слова: И. Бунин, В. Астафьев, проза, мотив утраты, родина детства.

Abstract: the article examines the origin and compositional function of the motive of loss in the stories and tales of I. Bunin of the 1890s — 1910s, in the autobiographical and military prose of V. Astafiev. The origins and consonant function of the motive of loss among artists who lived in different eras are in the intensifying, aggravated by several stages, extremely painful loss of the childhood homeland. The activity of this motive was determined by the dramatic civilizational processes that were not indifferently perceived by the writers. A consequence of the activity of this motive was the predominance of nostalgic emotions and moods in their works. In terms of genre and style, the motive of loss of homeland activity indirectly gives rise to a tendency to lyrize a number of works by these writers.

Keywords: I. Bunin, V. Astafiev, prose, the motive of loss, childhood homeland.

Потомственный дворянин, проявляющий живой интерес к реликтам отношений крепостного права, младший современник Л. Толстого, собеседник А. Чехова, М. Горького, значительную часть жизни проживший в эмиграции, Нобелевский лауреат, воспевший Русское подстепье. И крестьянский сын и внук, испытавший последствия коллективизации, всю жизнь проведший в русской провинции, член Союза писателей РФ, лауреат советских премий и наград, Герой Социалистического Труда, автор произведений о Великой Отечественной войне и сибирской деревне. Совершенно не похожие биографии, во многом отличающиеся ценностные приоритеты, разные жанровые и стилевые предпочтения, радикально отличающиеся герои.

Но интонационное и эмоциональное, тематическое, а нередко и идейное родство И. Бунина и В. Астафьева, несмотря на перечисленные различия, явно имеют место. Это родство давно уже отмечено в ли-

тературоведении [1; 2; 3]. Своеобразной вехой в исследовании традиций И. Бунина в прозе В. Астафьева следует считать работу Г. М. Шленской [3], давно и детально знакомой с прозой писателя-сибиряка и с ним самим. Характерно, что В. П. Астафьев в письме к В. Я. Курбатову отзывается о профессоре Красноярского госуниверситета Г. М. Шленской по видимости панибратски, но, по сути, — с неподдельным пиететом: «бабища здоровая, отважная, ума — палата» [4, 662].

Об этом родстве прозы И. Бунина и В. Астафьева свидетельствуют тональность и эмоциональность, «звук» их литературных произведений. «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие» [5, т. 1, с. 339]. Быстротечное время счастливого детства, сфокусированное в запахе, ностальгически вспоминаемое прошлое в медлительно тянущемся безвременье утрат и потерь. Таково настроение бунинских «Антоновских яблок».

«Прошло одиннадцать лет как я возвратился на родину, купил избу в Овсянке, в родном переулке, против бабушкиного и дедушкиного дома, и стал ждать, чего ждут и не могут дожждаться многие люди, — возвращения прошлого, прежде всего дет-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

ства» [6, т. 5, с. 327]. А далее Астафьев говорит о том, что этого возвращения он, естественно, не дождался. Как у позднего Бунина, утрата, мотив утраты приобретает у В. Астафьева характер хронотопический. Возвратившись в место однажды потерянного рая, невозможно эту утрату избыть, купировать.

Оба фрагмента, помимо сказанного, сближает эстетическая интонация и рождающий ее мотив утраты, а также фигура повествователя-рассказчика, нарратора, равного главному герою. На наш взгляд, источник эмоционального и интонационного звучания (по выражению И. Бунина — «звук») этих знаковых фрагментов по сути один — мотив утраты родины детства, элемент сюжета, многократно повторяющийся и организующий произведение.

Условимся, что под мотивами здесь имеются в виду обозначенные А. Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [7, 301], причем «признаки общности и повторяемости» [7, 305] являются для нас одинаково важными. Известно, что В. Я. Пропп, при всей его неприязни к понятию «мотив», также находил возможным выделить в сюжетах художественных текстов «неразлагаемую единицу повествования» [8, 15]. В нашем случае примем за основу определение мотива, данное Б. Н. Путиловым в исследовании «Мотив как сюжетобразующий элемент». Фольклорист видит в мотиве «одно из слагаемых эпического сюжета», элемент «эпической сюжетной системы» [9, 143]. «Мотив, — полагает Б. Н. Путилов, — функционирует в составе системы, здесь он находит свое определенное место, здесь вполне выявляется его конкретное содержание. Вместе с другими мотивами данный мотив создает систему. Любой мотив определенным образом соотносится с целым (сюжетом) и одновременно с другими мотивами» [9, 144].

Как видим, понятие мотив изначально связано (помимо музыкального искусства) с фольклором и фольклористикой. Характерно, что как такового отдельно существующего «мотива утраты» фольклористы и этнографы в мифах и сказках народов мира не выделяют. В одном из самых детализованных и объемных каталогов фольклорных мотивов обнаружим лишь семантически близкий этому мотиву мотив «потерянного рая» [10].

Показательно, что во многих литературоведческих работах наших дней понятие «мотив» распространено настолько, что воспринимается подобно устоявшемуся термину. Поэтому в нашей работе не может быть не учтена точка зрения одного из современных теоретиков литературы — определение В. Е. Хализева. Он трактует это понятие следующим образом: «Мотив — это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [11, 301].

Продолжая логику фольклористов и литературоведов, можно предположить, что сюжетов и составляющих их мотивов в литературе может быть не меньше, чем в фольклоре. Что не мешает увидеть в них созвучие, типологическое родство и предположить в произведениях разных авторов активное присутствие общего мотива. Таким родством обладает, на наш взгляд, мотив утраты, составляющий основу сюжетов ряда произведений и Бунина, и Астафьева.

Что обусловило рождение и активность данного мотива у этих разных художников? Что становится следствием активности этого мотива у И. Бунина и В. Астафьева? Насколько этот мотив сближает оригинальные и неповторимые по своей сути их художественные миры? Какое оригинальное наполнение получает этот мотив в конкретных произведениях?

В продолжение первого зададимся вопросом: почему никто из «деревенщиков» не оказался так созвучным И. Бунину, как В. Астафьев? — И у того, и у другого утрата родины детства оказалась предельно болезненной, с течением времени усиливающейся, усугубленной несколькими этапами. Воронеж, Батурино, Озерки, Васильевское, Елец, Харьков, Полтава, Орел, хотя и расположены по соседству, но не были одинаково близки и дороги Бунину. А последовавшие затем Петербург, Москва, Одесса с родиной детства вряд ли уже и соотносятся. «Потерянный рай» стал осознаваться таковым в еще большей степени Буниным-эмигрантом.

Утративший родовое гнездо фактически усыновившей его бабушки, В. Астафьев приобрел лишь временный и неласковый приют в заполярной Игарке. Фронтальная бездомность, вероятно, обострила у будущего писателя ощущение сиротства и бесприютности. Чусовой и Пермь, как и Вологда, второй родиной писателя так и не стали, а долгое пребывание вне малой родины лишь усиливало идеализацию и романтизацию далекой Сибири.

Как представляется, у истоков рождения и активности мотива родины детства и у И. Бунина, и у В. Астафьева стоит явленное в их произведениях равнодушие в восприятии, изображении и осмыслении перехода России от цивилизации традиционной, аграрной к цивилизации урбанистической, городской, технократической. Этот процесс в России затянулся более чем на столетие — исторический период, который вмещает в себя и жизнь И. Бунина, и биографию В. Астафьева.

Рождение и активность этого мотива является также результатом эмоционального восприятия распада и гибели деревни. Бунин — равнодушный очевидец распада деревенских «дворянских гнезд». В «Жизни Арсеньева», в самом начале, читаем фразу Арсеньева старшего, обращенную жене: «Разлетается, душа моя, наше гнездо» [5, т. 3, с. 399]. Бунинские рассказы «На хуторе», «В поле», «Антоновские яблоки», повести «Деревня», «Суходол» изображают разорение

и плачевное состояние еще уцелевших, но обреченных на исчезновение усадеб. Вот описание одного из помещичьих имений конца XIX века из рассказа «В поле»: «Лучезаровка! Шумит, как море, ветер вокруг нее, и на дворе, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится поземка. <...> Дом обшит тесом; передний фасад его глядит во двор только тремя маленькими окнами; крыльца — с навесами на столбах; большая соломенная крыша почернела от времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелет той крыши и узкая, кирпичная труба возвышается над ним, как длинная шея... И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья» [5, т. 1, с. 247].— Романтическое название хутора передает, вероятно, отношение к нему автора и обитателей имения. Картина печального запустения в финале рассказа дополняется угрожающей деталью: «Медленно наступает день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши. От этого в кабинете стоит какой-то странный, бледный сумрак... Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу... Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лучезаровки!» [5, т. 1, с. 260].

Кстати, начало этого «погибельного», по выражению С. Есенина, процесса и для крестьян русской деревни запечатлел тот же И. Бунин: судьба деревни Дурновки в его восприятии и осмыслении не менее драматична, чем судьба старых и новых владельцев дурновского поместья. Бунин почувствовал и изобразил начало того процесса, который еще ранее Н. А. Некрасовым был охарактеризован предельно выразительно: «Порвалась цепь великая, // Порвалась — раскочилась // Одним концом по барину, // Другим по мужику». Конечно, Н. А. Некрасов вряд ли мог предположить, что отмена крепостного права («цепь») станет началом, «ускорением» «конца» не только «Руси помещичьей», но и крестьянской России.

Но, как стало ясно позднее, обреченные «дворянские гнезда» суть только часть вступившей на путь урбанизации аграрной России, один из главных обреченных элементов традиционной деревни. Гибель и угасание крестьянской составляющей аграрной цивилизации становится во второй половине XX столетия предметом изображения и оплакивания всей «деревенской прозы». В завершающей главе астафьевского «Последнего поклона» находим предваряющее картину разорения крестьянской Атлантиды, полное горечи суждение: «Все страшное на Руси великой происходит как бы и не страшно, обыденно, даже и шуточно» [6, т. 5, с. 339]. А далее следует то, что в виде истоков сиротской судьбы автобиографического героя изображалось Астафьевым во второй книге повести: сцены выселения крестьян из домов, обысков, конфискаций, заключения, ссылки.

Сообщество аграрной традиционной России не везде включало в себя помещичье имение. Сибирская деревня не знала крепостного права, помещичьи усадьбы по этой причине в ней почти отсутствовали. Но практически по всей России деревенское сообщество венчал собой храм. Бунину не довелось видеть массового разорения церквей в России, ко времени его эмиграции их черед еще не настал. Астафьев же стал равнодушным очевидцем гибели деревенских храмов: «Осенью, уже поздней, навсегда увезли попа. Ребятишки лезли на колокольню, куда им прежде ходу не было, балуясь, звенели в колокола. Чтоб звон не мешал спать, кто-то обрезал веревки, и колокола упали в прицерковный садик, <...> Я бывал в этой церкви уже разоренной, поднимался по скрипучим, местами исхряпанным ступенькам. Помню хлам, ломь, ласточкины гнезда и голубей на страшной высоте, с которой довелось мне впервые обозреть окрестный мир и родное угодье. <...> Я думал, бабушка надерет мне уши, но она положила мне тяжелую ладонь на голову и, глядя за окошко, за таежную даль, тяжело-тяжко вздохнула: “Как жить-то без Бога будете?..”» [6, т. 5, с. 340–341].— Здесь значимым оказывается не только изображение запустения храма, но и отождествление в сознании мудрого матриарха гибели церкви с безбожием, с отсутствием Бога, а мотив утраты родины детства приобретает дополнительную семантику утраты веры.

Биография И. Бунина и жизнь В. Астафьева связаны с разными историческими эпохами, с разными событиями в российской и советской истории. Но они, и это обусловило повышенную активность мотива утраты в их произведениях, пережили соизмеримо трагическую утрату семейного гнезда. И Бунин выразит это и в прозе, и в стихах: «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора. // Как горько было сердцу молодому, // Когда я уходил с отцовского двора, // Сказать прости родному дому!» [5, т. 1, с. 157]. Кого или что писатели видят виновником утраты? Характерно, что сам И. А. Бунин практически нигде ни прямо, ни косвенно не акцентирует внимание на сомнительных пристрастиях своего родителя. Но вот мнение О. Н. Михайлова об отце писателя: «<...> вспыльчивый и отходчивый, азартный, беззаботно отдававший своим страстишкам, превыше всего любивший охоту и пение под гитару старинных романсов. Он как бы воплощал в себе инерцию той жизни, какую вели его предки, не желая замечать изменившихся условий» [12, 28].— Всего лишь стоит убрать их этой характеристики «гитару» и «романсы» и поменять их на «гармонь» и «песни», как получится портрет «папы» из автобиографических сочинений В. Астафьева. «Будучи деревенским красавчиком и маломальским гармонистом и плясуном, был он большой волокита, отчего сомневался во всех женщинах, в том числе и в маме» [13, 4]. Характерно, что пристрастие к разгулу и легкомыслие «папы» в своей написанной

незадолго до смерти автобиографии В. Астафьев уже не акцентирует. Но об этих качествах «папы» свидетельствуют практически все его предшествующие произведения на автобиографическую тему. Отца же он винит (не без оснований) и в трагической гибели матери — события, ставшем началом сиротских скитаний будущего писателя.

Интересно, что и И. Бунин утратит семейное гнездо в Бутырках и Озерках гораздо ранее смерти отца и матери, вынужденных поврозь, в разлуке коротать свои последние годы и дни. Это в не меньшей мере характеризует отсутствие стремления и возможности у Алексея Николаевича Бунина это «гнездо» сбросить и сохранить.

У В. Астафьева разрыв с «родным домом» (домом бабушки Катерины Петровны) окажется своеобразной «психологической травмой», ставшей одним из главных импульсов к началу творчества. В одном из первых рассказов («Жил на свете Толька» — 1952) Астафьев сказочно эпически откроет эту тему: «Жил на свете Толька Пронин. Были у него отец и мачеха. <...> А потом семья распалась» [6, т. 1, с. 111]. А закончит ее лишь в самом конце «Последнего поклона», в главе, названной в честь «папы» «Забубенная головушка»: «Она, природа и Создатель подарили мне моих родителей, родители подарили мне мою жизнь, отечество родное — судьбу мою сотворило. Не судья я им, и не указчик, и не идейный наставитель. Лишь вздохну, помолюсь и молча вымолвлю: “Пусть тебе, папа, спокойно будет хотя бы на том свете”» [6, т. 5, с. 326]. Гнев, обида, ирония, иные негации в адрес отца сменяются раскаянием лишь в предпоследней главе «Последнего поклона», как и в автобиографии.

«У гроба отца сидючи, я думал о том, что не прав был, когда говорил ему: Господь, мол, избавил маму от него, пусть и такой мучительной смертью. Конечно же, не прав. С годами эту неправоту ощущаю все больше. <...> Главное в деревенской жизни — постоянство, остойчивость, надежность. Сшибленный, сжитый с Богом ему определенного места, несомый по земле, что выветренный осенний лист, папа, не то придуриваясь, не то основываясь на жизненном опыте, не то политически выламываясь, на вопрос, кто во всем виноват, неизменно отвечал: “Ворошилов виноват!”» [6, т. 5, с. 325]. В качестве источника дурного в характере, судьбе и образе жизни отца В. Астафьев видит постигшее Россию в XX столетии разорение деревни, утрату «стойчивости» и «надежности» традиционного способа жизнеустройства. Приобретенная с возрастом мудрость в определении и «назначении» виновных в утрате сближают поздние размышления В. Астафьева с бунинским отношением к отцу.

Очевидным следствием активности мотива потерянного рая, утраты родины детства является объединяющая прозаиков совокупность чувств и эмоций, именуемая ностальгией. Боль и печаль по утраченной

родине, составляющие основу этого явления, вызывают желание художника слова выразить их прямо и косвенно. Косвенно — в ярких картинах «утраченного рая», где симпатии автора к этим описаниям очевидны. Этими картинами наполнены «Антоновские яблоки», «Жизнь Арсеньева», «Последний поклон» (особенно его первая книга), «Ода русскому огороду». Прямо и непосредственно боль и печаль по утраченной родине звучат в лирическом слове автора-повествователя, персонафицированном в образах автобиографических. Эпическое, повествовательное-изобразительное начало вступает в органическое взаимодействие, в синтез с лирическим, производя лирическую прозу и И. Бунина и В. Астафьева. Таким образом, активность созвучных элементов сюжета воздействует на жанрово-родовую основу произведений этих писателей.

Как представляется, одним из следствий активности мотива «потерянного рая», утраты родины детства является доминирование в произведениях обоих писателей принципа изображения не вполне характерного для реалистического метода — идеализации прошлого, ушедшей жизни. Бунин прибегает к этому принципу, полемизируя с реалистическими обличительными традициями писателей-реалистов, классиков. Обличение помещиков-крепостников — одна из главных тенденций русской классики XIX века. Бунин в «Антоновских яблоках», в ряде предшествующих и более поздних произведений, эту тенденцию преодолевает, в некоторой степени идеализируя отношения помещиков и крестьян.

Астафьев прибегает к идеализации вкупе со стремлением достоверно изобразить жителя традиционной деревни, крестьянина, создателя фольклора. Парадоксально, но герой деревенской прозы, крестьянин, «носитель» фольклора, в качестве главного персонажа произведений «потребовал» себе те принципы изображения, которые характерны в большей степени для фольклора. Так бабушка Катерина Петровна приобретает в астафьевском «Последнем поклоне» черты и свойства идеального, почти сказочно-песенного матриарха, лишь в последней главе повести получая черты амбивалентности.

Естественно, что далеко не все обстоятельства детства и судьбы оказались у этих разных писателей близкими и даже созвучными. Бунин сиротой не был и покинутым родителями себя не чувствовал. Но герой-сирота — обязательный персонаж в произведениях В. Астафьева, как, впрочем, и у многих писателей-деревенщиков. В этом плане проза Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина — «сиротская», где сиротство обусловлено как личными обстоятельствами, так и изменившимися с бунинских времен обстоятельствами социально-политическими.

Разная социокультурная среда, взрастившая писателей, стала основой для их персонажных предпочтений: герой-интеллектуал в астафьевской прозе

присутствует разве что в «составе» автора-рассказчика, повествователя. Зная основные условия традиционной России, И. Бунин одинаково свободно обращен и к крестьянским персонажам, и к Алексею Арсеньеву. Однако существенно важными переживаниями утраты родины писатель наделяет «биографически» близкого ему Арсеньева.

Есть основания предполагать, что активность того или иного характерного для художника слова мотива может нарастать, угасать, а иногда и приобретать генерализованные формы. Этапом творчества И. Бунина, этапом, в течение которого мотив утраты приобрел именно такие масштабы, стали годы после революции и времени эмиграции. Начиная с «Окаянных дней» и до конца творчества этот мотив оказывается основой композиции его дневников, романа «Жизнь Арсеньева», цикла «Темные аллеи». В романе мотив утраты родины детства усилен потерей России, утратой возлюбленной, а в генерализованном виде присутствует в названии («жизнь» может быть оценена, изображена и «рассказана» лишь на исходе дней), в имени и фамилии главного героя (имя уже ушедшего отца, звуковой состав фамилии, содержащий аллюзию России).

Мотивы утраты сопровождают все творчество В. Астафьева, это постоянство реализовалось в «Последнем поклоне», первые главы которого увидели свет на рубеже 1950–1960-х годов (время знакомства слушателя Высших литературных курсов В. Астафьева с творчеством И. Бунина), а завершающие — в 1992 году. Однако и у него в ряде ситуаций этот мотив приобретал доминирующее звучание. Это, вероятно, помимо других обстоятельств, связано, как и у И. Бунина, с возрастом писателя.

В романе «Прокляты и убиты», написанном в течение десятилетия, актуализировавшего в общественном сознании идею возрождения докоммунистических ценностей, мотив утраты родины детства войдет в своеобразный резонанс с попыткой всего российского социума того времени вернуть потерянный «досоветский рай». Это приведет писателя к гипертрофированному акцентированию идеи уже состоявшейся гибели России в огне революций и войн. В «Веселом солдате» повествователь замечает: «<...> вот она — Родина, превращенная в могильник» [6, т. 13, с. 229]. Эта мысль подспудно и открыто присутствовала у Астафьева изначально, получала облик космического «звездопада», приобретала напоминающее Апокалипсис изображение «боя», выливалась в рассуждения героев о «последней войне» в «Пастухе и пастушке». «Эта война должна быть последней! Или люди недостойны называться людьми! <...> Прав Карышев, сто раз прав, одна истина свята на земле — материнство, рождающее жизнь, и труд хлебопашца, вскармливающий ее...» [6, т. 3, с. 36].

В романе «Прокляты и убиты» этот мотив, вопреки достоверности, но в гармонии с выработан-

ной В. Астафьевым концепцией Великой Отечественной войны, приобретает господствующее звучание. Именно это, на наш взгляд, не позволило писателю завершить произведение.

А. Твардовский с его «Василием Теркиным» — одна из немногих фигур советской поэзии, высоко ценимая И. Буниным. Но Твардовский — главный персонаж миниатюры В. Астафьева «Пятнадцать минут», где прозаик рассказывает о скоротечной, но дорогой для него встрече с редактором и поэтом, эмоционально окрашенные размышления которого «о потере» оказались созвучными и астафьевским, и бунинским. «<...> Но Россию, мать-старуху, // Нам терять нельзя никак». Избежать потери, утраты России — в этом и Теркин, и его создатель А. Твардовский видят сверхзадачу воюющей и страдающей страны. Иные цели не могут сравниться для них с этой задачей. В. Астафьев, воевавший в том числе и в «бунинских местах», решение этой задачи обеспечил собственной кровью. И. Бунин, встретивший Великую Отечественную войну уже в почтенном возрасте, ту же задачу исполнил через привитие любви к России, к русскому слову. Оба писателя едины в своем высоком, но утопическом желании «быть за все в ответе», преодолеть вопреки движению истории утрату родины детства. Оба полны скорби по горькой судьбе России, соединенной у Бунина и его героя с несчастной любовью, у Астафьева — с мыслью о погибшем в апокалипсисе революций и войн русском народе.

Кстати, и эта по видимости новая астафьевская мысль уже заявляла о себе в прозе И. Бунина. В «Жизни Арсеньева» читаем: «Гордость в словах Ростовцева звучала вообще весьма не редко. Гордость чем? Тем, конечно, что мы, Ростовцевы, русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире. <...> Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» [5, т. 3, с. 317].

Таким образом, исследование мотивной структуры расширяет осязаемую, вполне конкретную и предметную основу для сопоставления произведений оригинальных художников из разных эпох. Именно мотив утраты родины детства сближает художественные миры И. Бунина и В. Астафьева, поскольку имеет близкие истоки в биографиях писателей, в их мировосприятии. Активность этого мотива обусловили неравнодушно воспринятые писателями драматические цивилизационные процессы. Следствием активности этого мотива стало преобладание ностальгических эмоций и настро-

ний в их произведениях. В жанрово-стилевом плане опосредованно активность мотива утраты родины рождает тенденцию лиризации ряда произведений этих писателей. На заключительных этапах творчества и Бунина, и Астафьева мотив «потерянного рая» оказывается доминирующим у обоих прозаиков, он способствует созданию оригинальных, но во многом созвучных концепций прошлого, настоящего и будущего России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров П. А. Бунинская традиция и русская социально-этическая проза 60–80-х годов / П. А. Гончаров // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни: Материалы межгосударственной научной конференции. Часть 1 / Ред. В. Н. Азбукин, К. Р. Галиуллин, В. Н. Коновалов. — Казань: Изд-во КазГУ, 1992. — С. 39–40.
2. Гончаров П. А. Бунинская традиция и русская социально-этическая проза 60–80-х годов / П. А. Гончаров // И. А. Бунин и русская культура. Межвуз. сб. науч. тр. / Сост. Г. П. Климова, отв. ред. С. В. Краснова. — Елец: 1995. — С. 15–25.
3. Шленская Г. М. Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы) / Г. М. Шленская // Сибирские огни, 2008. — № 6 — Режим доступа: <https://www.sibogni.ru/content/viktor-astafev-i-ivan-bunin> (дата обращения: 15.12.23)
4. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник / В. П. Астафьев. — Иркутск: Издатель Сопронов, 2009. — 720 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988.
6. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 томах / В. П. Астафьев. — Красноярск: ПИК «Офсет», 1997–1998.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — 404 с.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2001. — 143 с.
9. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент. Типологические исследования по фольклору / Путилов Б. Н. // Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970). — М.: Наука, 1975. — С. 141–155.
10. Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 26.12.23).
11. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.
12. Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... / О. Н. Михайлов. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 491 с.
13. Астафьев В. П. Рассказу о себе сам / В. П. Астафьев // День и ночь, 2004. — № 1–2. — С. 2–7.

*Мичуринский государственный аграрный университет
Российская христианская гуманитарная академия им.
Ф. М. Достоевского*

*Гончаров П. А., доктор филологических наук; профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-
педагогического института.*

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

*Michurinsk State Agrarian University
Russian Christian Humanitarian Academy named after. F.
M. Dostoevsky*

*Goncharov P. A., Doctor of Philology; Professor at the
Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and
Pedagogical Institute*

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru